

Введеніе.

Значеніе Никона для современнаго церковнаго и политическаго самосознанія.

Мы не имѣемъ въ виду давать полную біографію Никона или систематическое изложеніе его дѣятельности, но имѣемъ въ виду представить его идеи о церковно-государственныхъ отношеніяхъ и касаться его личности и дѣяній постольку, поскольку это нужно для уясненія его идей; въ послѣднемъ отношеніи намъ были важны показанія его современниковъ, лично его знавшихъ задолго до суда надъ нимъ — Шушерина и Павла Алеппскаго, и послѣднія изслѣдованія о дѣлѣ Никона съ документами, въ нихъ опубликованными, Гюббенета и Пальмера. О Никонѣ писали очень многіе, но одни писали тогда, когда не были еще достаточно изучены документы, его касающіеся (**С. М. Соловьевъ**), другіе изучали только отдѣльные моменты его жизни или дѣяній. Такъ, Митрополитъ Макарій изучилъ его дѣятельность на патріаршемъ престолѣ (1652-1658), **Гюббенетъ** — жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ (1658-1666), **проф. Николаевскій** — жизнь Никона въ ссылкѣ (1666-1681), его поѣздку за мощами Св. Филиппа въ 1652 г. и обстоятельства его ухода въ 1658 г. Жизнь Никона въ ссылкѣ изучалъ также **И. Б—въ**, печатавшій свое изслѣдованіе въ „Странникѣ" за 1899 г. **Проф. Субботинъ** изучилъ дѣло суда надъ Никономъ. **Щаповъ** изучилъ вліяніе бояръ на дѣло Никона. Ундольскій посвятилъ трудъ изученію отношеній Никона къ Уложенію, **К—въ** написалъ статью „Мнѣніе Никона о патріаршествѣ" въ Журналѣ Министр. Народ. Просвѣщ. за 1880 г. Каптеревъ широко охватилъ тему о Никонѣ, изучилъ его церковно-обрядовую реформу, дѣло о его пріѣздѣ въ Москву въ 1664 году и дѣло суда надъ нимъ въ 1660 и 1666 году, не входя впрочемъ въ самостоятельное изученіе судебныхъ засѣданій 1666 года, и сопоставилъ личность Никона и личность царя Алексѣя Михайловича. Изученіе судебныхъ засѣданій 1666 г. и самыхъ приготовленій къ этому суду со стороны Московскаго правительства, въ видахъ полученія нужныхъ ему руководящихъ указаній и самага сопоставленія ихъ, было сдѣлано болѣе подробно **Palmer'омъ**, равно какъ и обстоятельство, при которыхъ ушелъ Никонъ изъ Москвы въ 1658 г. Два послѣдніе писателя равно какъ и Соловьевъ, подвергли дѣятельность Никона общей оцѣнкѣ, причемъ Соловьевъ и Капте-

ревъ расцѣнивали его съ цезарепапистской точки зрѣнія; а Palmer въ своихъ введеніяхъ къ I, II и IV тому подвергъ разбору дѣятельность Никона съ двухъ точекъ зрѣнія: въ аспектѣ общей проблемы отношенія государства къ Церкви съ одной стороны, и съ другой стороны какъ проблемы національной русской, связанной съ разрушеніемъ каноническаго церковнаго устройства, начатымъ боярскимъ правительствомъ царя Алексѣя Михайловича, продолженнымъ греческими іерархами, приглашенными для этого дѣла боярами и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и законченнымъ полностью при Петрѣ I. Но самая сущность Никоновскихъ государственныхъ и каноническихъ воззрѣній не была раскрыта полностью въ этихъ сочиненіяхъ, и въ отношеніи ихъ царить въ литературѣ разногласіе и неясность, объясняемая между прочимъ тѣмъ, что главное Никоновское сочиненіе, представляющее въ рукописи болѣе 900 страницъ, осталось ненапечатаннымъ и хранящимся въ рукописи въ Воскресенскомъ монастырѣ Московской губерніи. Оно напечатано Пальмеромъ въ 70 годахъ XIX вѣка, но на англійскомъ языкѣ, и въ этомъ видѣ было предметомъ нашего изученія. Въ наше время самой личности Никона удѣлено вниманіе Митрополитомъ Антоніемъ, въ его небольшой, но чрезвычайно содержательной статьѣ, помѣщенной въ IV томѣ его сочиненій, гдѣ геніальность, разносторонность дарованій личности Никона выступаютъ съ художественной рельефностью. Прибавимъ, что на послѣднемъ Московскомъ Соборѣ Митрополитъ Антоній, какъ главный инициаторъ возстановленія патріаршества, обратилъ вниманіе членовъ Собора на Никона, какъ невиннаго страдальца патріарха отъ нечестиваго суда, и въ своихъ лекціяхъ призывалъ вниманіе къ тому, что Богъ прославилъ его чудесами. Паломничество членовъ Собора къ мѣсту трудовъ Патріарха Никона и его послѣдняго упокоенія, предпринятое по инициативѣ Митрополита Антонія, завершилось возстановленіемъ учрежденія, котораго Никонъ былъ лучшимъ выразителемъ. Личность Никона срослась съ этимъ учрежденіемъ, и по нему мы можемъ судить и о томъ, что такое было патріаршество для русскихъ православныхъ людей. Мы не будемъ сейчасъ перечислять всѣхъ ученыхъ, говорившихъ о Никонѣ въ общихъ курсахъ, или общихъ сочиненіяхъ, не посвященныхъ специально ему; отмѣтимъ только одно явленіе: въ то время, когда иностранные ученые, будь то католики (**Tondini, Palmieri**) или протестанты (Стэнли), выставляютъ Никона, какъ великаго человѣка, не только національной, но и міровой исторіи, русская свѣтская истори-

ческая наука XVIII, XIX и XX вѣка упорствуетъ, — какъ бы подъ гипнозомъ построения церковно-государственныхъ отношеній, созданнаго въ императорско-Петербургской періодъ русской исторіи, принятаго по какому то недоразумѣнію за критерій истинности въ данномъ вопросѣ, — признавая величіе личности Никона, упорствуетъ въ утвержденіяхъ, что онъ совершалъ какое-то дѣло, чуждое русской исторіи и даже Православію, обуреваемый страстями властолюбія и честолюбія. Въ этомъ отношеніи Пальмеръ, писавшій въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, до извѣстной степени правъ, говоря, что Русская Церковь была по отношенію къ Никону (быть можетъ невольно, въ силу своей несвободы) мачехой, и что представитель Церкви инославной возстановилъ память Никона, ибо онъ извлекъ его изъ забвенія, подобно тому, какъ въ младенчествѣ самого Никона посторонняя женщина вытащила изъ горячей печки, въ которой его заложила дровами мачеха, желая его спалить. Если мы вспомнимъ, что память Никона, настолько преслѣдовалась въ императорской періодъ, что даже запрещено было вѣрующимъ построить Церковь на мѣстѣ его кончины, и что русская церковная іерархія, не имѣющая въ императорской періодъ исторіи свободнаго дерзновенія на возстановленіе памяти Никона, не сдѣлала того, что требовала истина объ его жизни, то образное сравненіе Пальмера окажется вѣрнымъ съ той поправкой, что въ роли злой мачехи была не русская Православная Церковь, а государственная власть, неправильно понимавшая свои задачи относительно Церкви. Зачатки этого неправильнаго пониманія подчеркивалъ Никонъ въ своихъ сочиненіяхъ, и въ неоднократныхъ грозныхъ пророчествахъ русскому царству; указывалъ на него и Пальмеръ, становясь на точку зрѣнія Православной Церкви. Но, какъ католикъ, Пальмеръ выдвинулъ только одинъ элементъ, наиболѣе ему близкій въ ученіи Никона — ученіе о церковной самостоятельности; это онъ показалъ, испещривши своими пояснительными примѣчаніями изложеніе фактической стороны приготовленій къ суду надъ Никономъ и самого суда. Это — огромная заслуга Пальмера передъ русской церковноисторической и канонической наукой. Упомянутіе же о грѣхѣ, совершеннымъ по отношенію къ Церкви со стороны русскаго государства, есть и заслуга передъ русскимъ православнымъ самосознаніемъ, призываемымъ этимъ къ покаянію и исправленію. Вопросъ основной важности — пояснить завѣтъ еще языческой политической мудрости, вѣщавшей черезъ Аристотеля: *πρῶτον ἢ περὶ τῶν θεῶν ἐπιμελεία*, т. е. первое дѣло госу-

дарства — забота о богахъ или религіи. Этотъ вопросъ былъ поставленъ такъ и Никономъ. Если царство не чтитъ Церкви и священства, то непрочно стоитъ: вотъ лейтмотивъ его идей въ отношеніи представленія о должномъ отношеніи къ Церкви, къ ея просвѣтительной миссіи.

Означенная разноголосица мнѣній о Никонѣ, при наличіи всеобщности признанія его величія, является сама по себѣ достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы поинтересоваться въ первоисточникѣ, каковы же были дѣйствительныя его мнѣнія и стремленія, кто ошибается въ отзывѣ о немъ. Останавливаетъ между прочимъ вниманіе мнѣніе проф. Каптерева, выставяющее Никона честолюбивымъ, властолюбивымъ, стремившимся создать нѣчто въ родѣ русскаго папизма. Мы лично считаемъ, что проф. Каптеревъ составилъ свое мнѣніе на данныхъ которыя не подвергъ критикѣ, не использовавъ труда проф. Николаевского и Пальмера, и произвелъ оцѣнку идей Никона съ цезарепапистской точки зрѣнія, чуждой самой Церкви. Его мнѣніе явилось какъ бы мнѣніемъ одного изъ многочисленныхъ враговъ Никона, искусственно подготовлявшихъ и освѣщавшихъ его дѣятельность для доказательства заранѣе составленнаго мнѣнія. Но, независимо отъ разнообразія сужденій о Никонѣ, къ нему привлекаетъ вниманіе та широта проблемъ, которая связана съ нимъ не только для канонической государственно-правовой и исторической стороны его дѣла, но и для русскаго православнаго самосознанія въ смыслѣ уясненія происходящей съ Россіей катастрофы и возможности искупленія своего грѣха передъ Церковью и великимъ святителемъ Божиимъ, прославленнымъ Богомъ удостовѣренными чудесами. Въ такомъ аспектѣ проблема Никона есть не только проблема русскаго прошлаго, но и русскаго будущаго, связанная съ проблемой дѣйственной силы Православія въ мірѣ. Не смѣя ее рѣшать во всей ея полнотѣ, мы хотимъ указать на рядъ составныхъ ея частей, въ каждой изъ которыхъ мы наталкиваемся на позицію, занятую Никономъ. Никонъ не былъ ученымъ систематикомъ, онъ выявилъ рядъ воззрѣній, одни изложивъ на бумагѣ, другія воплотивъ въ своей жизни, которыя заслуживаютъ особаго вниманія въ нашу эпоху русской катастрофы, и нашей задачей является уяснить основные ихъ принципы и его устремленія въ ихъ совокупности, а не ловить его на тѣхъ или иныхъ словахъ, сказанныхъ имъ когда-либо въ пылу его горячаго темперамента, и переданныхъ его врагами часто въ искаженной формѣ. Къ осторожности въ сужденіяхъ о Никонѣ насъ должна бы призвать

судьба многихъ высказанныхъ о немъ суждений, впоследствии опровергнутыхъ. Такъ, при жизни его обвиняли во многихъ преступленіяхъ съ цѣлью избавиться отъ него, какъ живого протеста и могучаго строителя жизни въ нежелательномъ для сыновъ вѣка сего направленіи; послѣ его кончины раскольники-старообрядцы старались утвердить за нимъ многія дурныя личныя качества, опроверженіе которыхъ составило предметъ особаго труда проф. Н. И. Субботина напечатаннаго въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцовъ за 1860 годъ. Мнѣніе о томъ, что Никонъ былъ главнымъ инициаторомъ въ дѣлѣ проведенія церковно-обрядовой реформы и исправленія книгъ, въ значительной степени подрывается изслѣдованіемъ Каптерева, составившимъ I томъ его сочиненія „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“. Такъ, полагаемъ мы, обстоитъ дѣло и съ обвиненіемъ Никона въ стремленіи насадить русскій національный папизмъ въ смыслѣ созданія верховной патріаршей власти, поднимающейся и надъ архіереями и надъ царемъ. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, если Никона оцѣнивали, взявъ за критерій истинности Петербургскій цезарепапизмъ, если разбирали его католики (Tondini, Palmieri), протестанты (Стэнли), то среди всѣхъ перечисленныхъ нами въ послѣдней главѣ трудовъ нѣтъ труда, посвященнаго детальному разсмотрѣнію его ученія о церковно-государственныхъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія самой Православной Церкви. О Никонѣ не было высказано сужденія съ православной канонической точки зрѣнія. Этотъ пробѣлъ мы посильно для даннаго времени хотимъ восполнить. Не удовлетворило насъ и обычное историческое объясненіе дѣла Никона его личнымъ характеромъ. Мы сказали, сколько вопросовъ связывается нами съ именемъ Никона; нѣкоторые изъ нихъ мы разсмотрѣли (каноническіе, государственно правовые и историческіе) детальнѣе, на нѣкоторые указали.

I. Прежде всего вопросы каноническіе. Никонъ напомнилъ о томъ, что Помѣстная Церковь не можетъ быть Церковью самодовлѣющей, что она есть только часть единой Вселенской Церкви, что между частями этой Церкви должно быть каноническое общеніе и согласованіе. Этимъ самымъ онъ показывалъ, что необходимо различать политическое и церковное единеніе людей. Какъ практической строитель и борець, Никонъ обращался всегда къ той сторонѣ явленія, которая требовала исправленія, и которую выдвигала сама жизнь, и реагировалъ на это. Въ виду того, что Уложеніе на-

носило ударъ вѣковому положенію Церкви въ русскомъ государствѣ, онъ спасаль Церковь отъ грозящаго ей поглощенія въ государствѣ и потому стремился возстановить начинавшее меркнуть въ его время правовое понятіе Церкви. Значеніе этого понятія Церкви, какъ особаго учрежденія съ особыми правами, основанными на благодатныхъ дарахъ, и съ особыми цѣлями, особенно важно, ибо православное царство не можетъ отказывать въ признаніи правъ Церкви, вытекающихъ изъ ея природы. Онъ напоминалъ, что Церковь не стѣны и храмъ, не только вѣра, а и церковные законы и жизнь по вѣрѣ, и тѣмъ спасаль не только богословское понятіе Церкви, какъ тѣла Христова, но и правовое понятіе Церкви, какъ учрежденія Божественнаго, съ особыми полномочіями законодательства, управленія и суда, учрежденія съ особыми цѣлями и задачами и особыми средствами для ихъ исполненія. Онъ обратился къ указанію на источники церковнаго закона, управленія и суда и въ Божественныхъ полномочіяхъ Церкви находилъ указаніе на полномочія Церкви, вытекающія изъ ея природы. Онъ указаль методъ канонической наукѣ для принципіальнаго разграниченія сферъ Церкви и государства и опредѣленія существенныхъ неотъемлемыхъ правъ Церкви, и мы увидимъ, что современная русская каноническая наука приняла этотъ методъ. Большая начитанность Никона въ святоотеческой литературѣ, особенно въ сочиненіяхъ Златоуста, вплотную подошедшаго къ вопросамъ о Церкви, церковномъ законѣ, церковной власти, помогла ему разобраться въ этомъ вопросѣ и указать основы для распредѣленія компетенціи между Церковью и государствомъ со стороны опредѣленія правъ Церкви. Мы старались показать, что источникомъ ученія Никона было ученіе святыхъ отцовъ и учителей Церкви, въ изобиліи нами цитированныхъ, поскольку намъ удалось ихъ достать. Это была та точка, съ которой Никонъ критиковаль цезарепапистское воззрѣніе, приводимое противъ него возглавлявшимъ боярскую партію Митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ. Въ основныхъ канонахъ Вселенскихъ Соборовъ почерпаль Никонъ взгляды на положеніе Московскаго Патріарха среди другихъ Православныхъ Патріарховъ и среди Епископовъ своей Помѣстной Церкви, а также и на вопросъ о церковной собственности. Въ этихъ вопросахъ, какъ и въ вопросѣ объ источникахъ церковныхъ полномочій, церковное преданіе служило ему вѣхами, которыхъ не могли колебать никакія земныя стихіи. Онъ всегда и непрерывно учился, сознавался въ своихъ ошибкахъ, но этому принципу (слѣдованія Преданію) никогда не

измѣняль: ни власть, ни земныя блага съ этого пути его не могли свернуть. Преданіемъ онъ повѣряль церковный обычай и никогда status quo не былъ для него критеріемъ истины. Пока учрежденія функционируютъ въ своихъ нормальныхъ границахъ, вытекающихъ изъ ихъ природы, не ставится вопросъ объ ихъ компетенціи, но когда происходитъ захватъ и споръ, то является необходимость выяснить ихъ соотвѣтствующую власть и предѣлы. Это сдѣлалъ Никонъ по отношенію къ царской власти. Онъ отстаивалъ права Церкви, вытекающія изъ ея существа, но оставался чуждъ присваиванія самой Церкви политической власти, т. е. былъ чуждъ тому, что обычно называется клерикализмомъ, и что ошибочно приписываютъ самому Никону. Во второй части нашего труда мы старались уяснить каноническіе взгляды Никона на выдвинутые жизнью вопросы его современности и показать, что современная намъ православная каноническая наука рѣшаетъ во многихъ случаяхъ эти вопросы въ духѣ Никона.

II. Съ вопросами каноническими тѣсно связаны въ ученіи Никона вопросы государственнаго права. Отъ философскаго воззрѣнія зависитъ, въ какомъ положеніи надо мыслить взаимныя отношенія государства и Церкви. Установленіе понятія православнаго царя было величайшей заслугой Никона и даетъ ему видное мѣсто въ исторіи образованія понятія русской царской власти. Это понятіе замутилось во время боярскаго правленія въ юные годы царя Алексѣя Михайловича, да и вообще не было тогда достаточно уяснено. Грозный царь въ рѣчи на Стоглавомъ Соборѣ подъ вліяніемъ Митрополита Макарія установилъ это понятіе, но онъ не могъ тогда установить его въ полной мѣрѣ, ибо тогда еще не было патріаршества, и не было создано Богомудрой Благочестивой Двоицы — царя и Патріарха. Съ другой стороны Грозный указалъ только принципъ подчиненія и связанности царя церковными правилами, а Никонъ подробно развилъ конкретное ученіе о церковныхъ полномочіяхъ, ихъ природѣ и уяснилъ причину неприкосновенности въ ихъ источникѣ (полномочія Спасителя Апостоламъ и ихъ преемникамъ). Вторая половина понятія Богомудрой Двоицы, реализовавшая въ идеѣ духовную сторону царской власти, еще не была осознана въ умахъ. Надо было показать, что такое Патріархъ въ жизни государства православнаго, и каково его мѣсто въ отношеніи царя вершителя дѣль. Никонъ показалъ это и словами, и еще болѣе дѣломъ своей жизни; Онъ показалъ и границу, далѣе которой не призванъ переступить православный святитель,

протестующій противъ беззаконія государственной власти. Здѣсь онъ былъ не только проповѣдникомъ, но и исповѣдникомъ. Изучивъ дѣятельность Никона, протекавшую въ соприкосновеніи съ государственной властью, насколько это доступно въ нашихъ условіяхъ за границей, по документамъ, изданнымъ Пальмеромъ, Гюббенетомъ, и поскольку мы находили ихъ въ цитатахъ различныхъ авторовъ, мы пришли къ заключенію, что Никонъ былъ проповѣдникъ идеи симфоніи властей, на которія ссылался на Соборѣ 1654 г. въ своей рѣчи при открытіи Собора и отдѣльные элементы которой онъ вскрылъ въ своемъ „Раззореніи“, написанномъ въ 1664 году въ опроверженіе Стрешнева и Лигарида. Мы постарались поэтому уяснить смыслъ теоріи симфоніи властей, какъ онъ разумѣлся еще въ Византійскомъ правѣ, и увидѣли, что и въ этомъ Никонъ слѣдовалъ по тому же пути, по которому онъ слѣдовалъ при опредѣленіи правъ церковной власти. Для него творенія святыхъ отцовъ были не только литературнымъ памятникомъ, но твореніями Богопросвѣщенныхъ выразителей Церковнаго Преданія. Необходимо было намъ опредѣлить смыслъ симфоніи у отцовъ и въ Визант. правѣ, чтобы получить руководящія основы для оцѣнки системы, существовавшей въ церковно-государственныхъ отношеніяхъ не только *de jure* въ силу помѣщенія въ Кормчей предисловія къ VI новеллѣ Юстиніана, но и въ дѣйствительной жизни. Никонъ опредѣлилъ суть священства съ духовной точки зрѣнія и установилъ принципъ оцерковленія жизни. Онъ понималъ идею симфоніи властей, какъ идею разграниченія двухъ сферъ жизни свѣтской и духовной, съ предоставленіемъ имъ полной самостоятельности въ томъ, что является по существу своему входящимъ въ соотвѣтствующую собственную сферу каждой власти, съ предоставленіемъ ей въ ней рѣшающаго голоса, съ обязанностью взаимно признавать права другъ друга, вытекающія изъ существа каждаго союза; и въ то же время онъ ставилъ религіозно-нравственную обязанностью для политической власти проникаться церковными принципами.

Эту симфонію Никонъ понималъ для Церкви въ смыслѣ обязанности ея охранять свои существенныя права и вліять своими средствами духовными на государственное законодательство, а для государства въ смыслѣ обязанности не нарушать своими законами канонъ церковныхъ и даже освящать свои законы по мѣрѣ возможности принципами церковными. Ибо истинной миссіей челоуѣчества онъ считалъ то же, что призваніемъ каждаго отдѣльнаго челоуѣка: при-

нять вѣрой Божественное Откровеніе и всю жизнь поставить въ согласіе съ вѣрой. Эта идея оцерковленія естественно должна была освѣтить прежде всего институтъ царской власти, какъ основу самой жизни русскаго государства, столпъ и основаніе земного жизнеустроительства; такимъ образомъ то преимущественное вниманіе, которое Никонъ оказалъ идеѣ оцерковленія власти царской въ своемъ „Раззореніи“, является лишь однимъ изъ звеньевъ того общаго міросозерцанія, которое уже лежало въ принципѣ Московскаго государственнаго строя, и которое спасалъ Никонъ отъ разрушенія, угрожавшаго ему со стороны духа вѣка сего. Объ идеяхъ Никона въ опредѣленіи церковно-государственныхъ отношеній можно сказать, что онъ не только упиралъ ихъ въ ученіе Церкви, но и воплощалъ въ себѣ созданную вѣковую традицію Русскаго Государственнаго Права въ отношеніи къ Церкви.

Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо, подходятъ слова, сказанныя однимъ мыслителемъ: „Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно исторической жизнью народа, и передаются отъ одного поколѣнія къ другому безчисленными нитями живого преданія“. Чтобы лучше понять Никона, необходимо вдуматься въ философію Московскаго государственнаго строя, оцѣнить этотъ строй въ его сокровенномъ смыслѣ, выраженномъ въ его установленіяхъ и обычаяхъ; тогда фигура Никона предстанетъ намъ плодомъ извѣстной среды и въ образѣ гиганта, воплотившаго въ себѣ всѣ лучшія устремленія, могущаго ради улучшенія ломать обычное и создавать новое, освѣщенное высшей правдою. Съ этой точки зрѣнія мы должны были вникнуть въ идеи, которыми держался и жилъ Московскій государственный строй, и въ то положеніе, которое занималъ Патріархъ въ Московскомъ государственномъ устройствѣ, и какимъ идеямъ призванъ онъ былъ дать выраженіе.

Это многое объясняетъ и въ томъ положеніи, какое Никонъ давалъ православному царю. Характерно то, что патримоніальское пониманіе царской власти, свойственное XVI вѣку, разсматривавшее царя, какъ вотчинника, не чувствуется совсѣмъ у Никона. У него царь — слуга царства, водитель къ его спасенію. Царь этотъ призванъ удерживать царство отъ грядущаго антихриста и, какъ средство противъ этого, долженъ снискать благодать Божию подвигомъ христіанскаго смиренія, не только какъ человѣкъ въ своей частной жизни, но и какъ царь въ своемъ законодательствѣ и управленіи.

„Богъ гордымъ противится и смиреннымъ даетъ благодать". Это апостольское изреченіе какъ бы стоитъ предпосылкой Никоновскаго ученія о православномъ царѣ. Никонъ, цитируя части коронованія царскаго, ощущалъ царское служеніе, не только какъ государственное служеніе, но и какъ видъ церковнаго служенія, и характерно, что, воплощая послѣ осужденія Никона на Соборѣ 1667 года его идеи о церковномъ судѣ и управленіи и признавъ принципъ различной природы власти свѣтской и духовной, въ то же время и въ коронованіе царя (впервые въ коронованіе Ѳеодора Алексѣевича) ввели при исправленіи церковныхъ книгъ причащеніе для Царя по чину священническому, какъ бы официально сопричисляя власть царскую къ іерархическому служенію. Насъ не можетъ смущать то обстоятельство, что Никонъ въ „Раззореніи" называетъ царя простымъ міряниномъ, ибо, когда онъ писалъ „Раззореніе" въ 1664 году, еще не было введено причащеніе для царя по священническому чину, и не было осознано официально пониманіе царскаго служенія, какъ вида церковнаго служенія, а съ другой стороны Никонъ въ „Раззореніи" говорилъ въ полемикѣ о грѣхахъ царя Алексѣя Михайловича противъ Церкви, за которые онъ, по его выраженію, даже не долженъ допускаться въ Церковь. Потому такъ и строгъ былъ Никонъ къ носителю царской власти, что на царѣ лежала огромная отвѣтственность за царство, и что, не заслуживъ помощи Божіей, царь не могъ надѣяться и на выполненіе своего призванія — отстаивать царство отъ антихриста, который требуетъ духовныхъ, а не вещественныхъ средствъ борьбы. Его царь одѣтъ не въ военный мундиръ, а въ духовныя одежды Московскаго царя съ крестомъ на груди. Это обстоятельство обычно упускается изслѣдователями изъ виду, и Никонъ облачается ими, какъ Патріархъ, въ эпитеты властолюбія и честолюбія. Онъ же, какъ Патріархъ, долженъ былъ въ этомъ быть учителемъ царю, какъ вторая половина Богомудрой Двоицы, какъ неразлучная тѣнь и духовное восполненіе царя, въ качествѣ Патріарха по усиленной благодати, а вовсе не какъ восхититель на царскую власть.

Никонъ далъ религіозную основу царской власти въ ея назначеніи, безъ которой ея просто нѣтъ и быть не можетъ, какъ на это вѣрно указываетъ Janet въ критикѣ на Ренана. Ренанъ, авторъ *La Vie de Jesus*, атеистъ, былъ противникъ революціи и сторонникъ іерархическаго устройства общества старой Франціи (*Philosophie de*

la révolution française, p. 145). Janet писалъ:¹ „Admettons, si l'on veut, qu'en théorie une société, fondée sur la hiérarchie et sur les privilèges vaille mieux qu'une société livrée à la poursuite brutale de l'égalité; qui ne voit que l'un des piliers de cette société hiérarchique était la foi? qui ne voit que l'inégalité n'est supportable aux hommes que quand elle vient de Dieu? Et comment se figurer qu'un homme qui ne croit plus à l'église continuera de croire à son roi? La philosophie revêche et superficielle de l'école démocratique n'a jamais rien compris au rôle de la royauté, elle fut un sacerdoce. Pour elle la France avait créé un nouveau sacrement. Ce roi sacré „faisait des miracles". Cette religion de Reims fut la religion de Jeanne d'Arc: elle en vécut, elle en mourut. Légende incomparable, fable sainte! восклицаетъ Ренанъ, не понимая, что безъ дѣйствительной вѣры невозможно возрожденіе животнаго человѣка, и Janet спрашиваетъ Ренана, уличая его въ непослѣдовательности (146): La critique peut „elle nous de-mander de croire encore a la sainte legende de Reims, lorsqu'elle nous depouille de la legende de Jesus"?² Никонъ съ своей стороны ставилъ царскую власть въ связь съ Церковью черезъ ея оцерковленіе и подъ покровъ Церкви, давалъ ей смыслъ и высшее назначеніе, и какъ бы давалъ предостереженіе не вырождаться въ одинъ изъ видовъ техническаго устройства правительственнаго механизма. Это назначеніе и интегральная связь съ Церковью власти монархической просматривается тѣми изслѣдователями, которые подобно Barthélemy („Le rôle du pouvoir exécutif dans les républiques modernes") склонны сводить все различіе республики и монархіи къ способу назначенія главы государства. Это значеніе просматриваютъ и тѣ, кто хочетъ для Россіи монархіи, отводя Церкви значеніе, занимавшееся ею въ періодъ разложенія и упадка идеи царской власти. Православный царь немыслимъ безъ той связанности Церковью и церковными законами, какъ мыслилъ ее Никонъ. И Никонъ раскрылъ уже опредѣлившееся въ жизни понятіе православнаго царя и защищалъ его отъ подтачивающей его абсолютизаціи, т. е. отрѣшенности отъ основъ Церкви и народа, а не нападалъ на царскую власть, какъ

¹ „Допустимъ, если угодно, что въ теоріи общество, основанное на іерархіи и на привилегіяхъ, стоитъ больше, чѣмъ общество, преданное грубой погони за равенствомъ; кто не видитъ, что одной изъ основъ этого іерархическаго общества есть вѣра? Кто не видитъ, что неравенство люди могутъ переносить только, когда оно исходитъ отъ Бога? Какъ представить сѣбѣ, что человѣкъ, не вѣрящій больше въ Церковь, будетъ продолжать вѣрить въ своего короля? Угрюмая и поверхностная философія демократической школы никогда ничего не понимала въ роли царства; оно было священствомъ. Для него Франція создала новое таинство. Этотъ освященный король „творилъ чудеса". Эта религія Реймса была религіей Жанны д'Аркъ; она ею жила, съ ней умирала. Несравнимая легенда, святая басня"!

² „Можетъ ли критика еще требовать отъ насъ вѣры въ святую легенду Реймса, когда она лишаетъ насъ легенды Иисуса"?

думаютъ иные, и въ этомъ отношеніи былъ предшественникомъ современнаго ученія о царской власти.

Устанавливая понятіе симфоніи властей, мы отмѣтили, что въ это сложное понятіе входитъ не только понятіе о самостоятельности, независимости этихъ властей, но и понятіе объ ихъ соподчиненности при преслѣдованіи въ концѣ концовъ общей цѣли: спасенія человѣчества въ будущей жизни. Пальмеръ, блистательно освѣтившій понятіе самостоятельности Церкви, какъ объектъ борьбы Никона, не закончилъ изображенія того зданія, которое строилъ Никонъ, а именно его стремленія жизненно возсоздать симфонію властей. Чтобы лучше дать почувствовать, насколько идеи Никона являются плодомъ сочетанія святоотеческаго ученія съ чисто русскимъ подходомъ къ христіанству, мы не ограничились воспроизведеніемъ построенія соотношенія царя и Патріарха, какъ двухъ главъ — представителей двухъ общинъ — государственнаго и церковнаго, но показали это соотношеніе въ Византійскомъ ихъ построеніи съ указаніемъ особенностей русскаго построенія.

Въ своемъ ученіи о царской власти съ церковной точки зрѣнія Никонъ далъ теорію православнаго царства, святоотечески опровергнувъ ученіе о безграничности царской власти и показавъ тѣ предѣлы, которыхъ она переступать не можетъ. Въ этомъ отношеніи онъ не только сходится съ ученіемъ канонической науки, но и отвѣчаетъ тѣмъ стремленіямъ поставить принципиальныя границы государственной власти, какъ таковой, которыя ожили въ наше время, какъ протестъ противъ всепоглощающей власти государства, какъ таковаго, возродившагося въ XVIII вѣкѣ къ языческому устремленію къ неограниченности. Для Никона государство никогда не пребываетъ безъ высшихъ, регулирующихъ его дѣятельность церковныхъ идей, ибо и для людей, управляющихъ государствомъ, остается заповѣдь Апостола (1 Кор. 10, 31) никогда не забывать о послѣдней цѣли — спасеніи. („И такъ, ѣдите ли, пьете ли или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божию“). Эта идея симфоніи призываетъ государство къ миру, но не къ тому миру, который совершается по дипломатическимъ соображеніямъ и ради взаимнаго ласкательства, а къ тому миру съ Богомъ и Его Церковью, о которомъ писалъ Максимъ исповѣдникъ, и учитъ Святая Церковь, какъ о мирѣ съ Богомъ. Въ главѣ о симфоніи властей мы показываемъ коренное различіе православнаго (Никоновскаго) ученія съ ученіемъ католическимъ, которое въ первой половинѣ своей о самостоятельности Церкви, какъ союза,

имѣющаго свое особое происхожденіе, свои особыя заданія, цѣли и средства, — сходится съ ученіемъ православнымъ, но расходится во второй половинѣ (въ соотношеніи властей) въ виду иного ученія объ объемѣ церковной власти Римскаго Первосвященника.

Первая часть нашего труда и имѣетъ въ виду освѣтить вопросы о царской власти въ Византіи и на Руси и показать святоотеческое ученіе о симфоніи, которые и вводятъ насъ въ первую главу II части, гдѣ повѣствуется собственное ученіе Никона о царской власти, гдѣ идея оцерковленія представлена такъ же, какъ и въ отзывахъ Никона о различныхъ статьяхъ Уложенія, о которыхъ говорится въ третьей главѣ II части. Ученіе Никона о царской власти выясняетъ одинъ изъ существенныхъ ея моментовъ — Православіе: элементъ, который не отгѣненъ достаточно въ Основныхъ Законахъ, ибо тамъ не сдѣлано опредѣленія понятія Православія (которое заключается не только въ вѣрѣ, но и въ законахъ Церкви). Это не значитъ однако, чтобы въ государствѣ не было самаго принципа православнаго царя. Въ Основные Законы попали лишь опредѣленія власти изъ Указовъ Петра I и законъ о престолонаслѣдіи Павла I. Между тѣмъ, для уясненія существа монархической власти, никоимъ образомъ нельзя удовлетвориться законодательными опредѣленіями, которыя къ тому же неполны и не могутъ исчерпать всей полноты учрежденія, выращеннаго исторіей.

„Положеніе монарха, говоритъ Котляревскій (Юридическія предпосылки Русскихъ Основныхъ Законовъ, стр. 130, по цитатѣ проф. Казанскаго), имѣетъ часто гораздо болѣе глубокое историческое, чѣмъ юридическое обоснованіе. Правовыя опредѣленія этой власти, формулы законодательныхъ памятниковъ и учредительныхъ хартій — только поверхностный слой, который накинута на вѣками отлагавшіеся плоды побѣды и пораженія въ борьбѣ съ окружающими социальными силами, на отпечатлѣвавшіяся привычки, вѣрованія и чувствованія". Надо принять во вниманіе при опредѣленіи власти не только то, что написано въ законѣ, но и то, что живетъ въ неписанномъ видѣ въ правосознаніи русскаго народа.

Эту часть верховной власти, соприкасающуюся съ Церковью, раскрылъ Патріархъ Никонъ въ своемъ ученіи, и только лишь послѣдующая абсолютизація власти, т. е. отрѣшеніе ея отъ питающихъ ее основъ, привело къ тому, что одинъ изъ существенныхъ моментовъ царской власти (Православіе) не вошелъ въ ея опредѣленіе въ полномъ своемъ объемѣ, несмотря на то, что въ отдѣльныхъ

статьяхъ Основныхъ Законовъ этотъ принципъ нашель себѣ частичное примѣненіе. Таковы всѣ статьи, обезпечивающія соотвѣтствіе взглядовъ обладателей трона міросозерцанію народа: тому служитъ наслѣдственность престола и независимость обладанія имъ отъ чьей либо личной воли, обезпеченіе не только православнаго исповѣдыванія государя, но и православнаго воспитанія, статьей 185, требующей, чтобы бракъ лица, могущаго наслѣдовать престолъ, происходилъ не иначе, какъ по принятіи невѣстой Православія; тому же служитъ постановленіе о присягѣ престолонаслѣдника, рассматривающее его положеніе, какъ приготовленіе къ предназначенному „великому служенію“; тому же служатъ колѣнопреклоненная молитва царя послѣ коронованія, которую графъ Сперанскій называлъ клятвеннымъ обѣтомъ: „Буди сердце мое въ руку Твоею, еже все устроить къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово“. Къ этому направлена и присяга подданныхъ, религіознымъ актомъ запечатлѣвающая обязанность вѣрности, нравственно приобщающая подданныхъ къ служенію государству въ ихъ строительствѣ земли русской; то же устанавливается и самимъ актомъ коронованія, освящающимъ единеніе царя съ народомъ и проч. Понятіе православнаго царя развернуто Никономъ много шире въ смыслѣ обязательности для царя признанія Церкви, какъ особаго Божественнаго учрежденія съ своими законами. Абсолютистскія тенденціи Петербургскаго періода могли заглушить, но не истребить православное сознаніе о существѣ царской власти, которое выявляется въ „Раззореніи“ Никона.

III. Съ Никономъ связана и проблема національно-историческая XVII вѣка. Указанныя нами правовыя идеи Никона являются частью его культурныхъ идеаловъ, которые онъ указывалъ русскому самосознанію. Для него Православіе было строительной силой, и онъ хотѣлъ, чтобы оно проникало всѣ поры русскаго государства. Его III Римъ значительно отличался отъ III Рима старообрядцевъ, видѣвшихъ въ формахъ русскаго Православія, какъ оно сложилось до Никона, послѣднее слово и критерій истины. Никонъ не сливалъ, подобно имъ, Православія съ обрядностью и Церковнаго общества съ политическимъ. Общество церковное было для него шире политическаго и призвано служить вѣхами для послѣдняго, съ цѣлью его улучшенія и преображенія. Онъ отвергалъ Аввакумовское отчужденіе отъ науки, выразившееся такъ мѣтко въ словахъ Аввакума: „Еллинскихъ борзостей и риторскихъ не текохъ, но пребывалъ въ

ученіи благодатнаго закона", или „вѣра потреба ко спасенію, а не риторика и грамматика"; Аввакумъ называлъ философовъ грековъ и малороссовъ песьими сынами, а Никонъ заводилъ бібліотеку съ сочиненіями греческихъ и римскихъ классиковъ, мощной рукой стремился къ насажденію школъ, типографій, выписывалъ кіевскихъ ученыхъ для переводовъ книгъ, устраивалъ школы художественной иконописи, заводилъ новыя производства (ценное и пр.) и на ряду съ этимъ заботился о благолѣпіи Богослуженія, уничтожилъ единоголасіе, ввелъ кіевское пѣніе въ церквахъ. Стараясь возвысить общественное значеніе Церкви, принималъ строгія мѣры поднятія дисциплины въ духовенствѣ, одновременно стараясь освободить его отъ давленія на мѣстахъ со стороны еще болѣе невѣжественнаго слоя приказныхъ людей. Никонъ тѣмъ самымъ старался повысить значеніе и вліяніе Церкви. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Москвы религіозную столицу для всѣхъ православныхъ народовъ, но, чтобы она отвѣчала своему назначенію, она должна стать въ уровень съ вѣкомъ относительно просвѣщенія. Онъ не чуждался заимствованія матеріальной культуры съ Запада, ради созданія сильнаго государства, но строго охранялъ Православіе и православный ликъ своей культуры (поэтому онъ нетерпимо относился къ иконамъ западнаго письма).

Онъ создавалъ просвѣщенную православную культуру, и учился ей у грековъ, какъ у сыновъ Церкви-Матери, но не для того, чтобы грецизировать Русскую Церковь, а для того, чтобы провести сознательную потребность исправленія чиновъ и обрядовъ, и превзойти грековъ въ Православіи, какъ впоследствии Петръ хотѣлъ въ военномъ искусствѣ перещеголять шведовъ. Хотя Никонъ называлъ себя въ эпоху исправленія чиновъ и обрядовъ „русскимъ по рожденію, но по вѣрѣ грекомъ", однако въ немъ и его дѣятельности болѣе чѣмъ въ комъ либо выразились типичныя черты русскаго Православія. Если Православіе греческое въ общую сокровищницу Православія внесло его догматическую разработку, если Православіе Сиріи и Египта подходило къ Православію преимущественно со стороны мистической, то стремленіе русскаго народа было понять христіанство не столько какъ отвлеченную догматическую систему, но преимущественно какъ нравственно животворящую силу, а христіанскую жизнь, какъ жизнедѣятельность челоѣческаго духа, нравственно возрожденнаго христіанствомъ (Доброклонскій).

Объ этомъ именно все время пишетъ Никонъ въ своемъ „Раззореніи", и это онъ проводилъ въ жизнь, выступая не только какъ

проповѣдникъ, но и какъ исповѣдникъ, принеся жизнь свою въ жертву и за свое ученіе, и за свое обличеніе. Его задача по снятію ветхаго Адама для созданія на дѣлѣ Святой Руси ощущалась плотскими людьми, и прежде всего боярами, соприкасавшимися съ нимъ болѣе непосредственно, какъ непосильная тяжесть, поруха самолюбію; они не поняли Никона и, потакая страстямъ царя, использовали его возмужалость на войнѣ, и не допустили его до Никона, добились низверженія Никона, не дали ему вывести Россію на путь дальнѣйшаго оцерковленія и углубить Православіе въ русской жизни, не только какъ ученіе вѣры, но и какъ путь, истину и жизнь, чему Никонъ давалъ самъ живой образъ. Вотъ это обстоятельство просматриваютъ тѣ изслѣдователи, которые фиксируютъ все свое вниманіе на протестахъ Никона противъ Монастырскаго Приказа и противъ захвата государствомъ церковной собственности, не стараясь проникнуть въ истинную каноническую природу его протеста, и ея глубокіе религіозные корни, превращая въ цѣль то, что для Никона было только средствомъ къ возможностямъ на пути дальнѣйшаго оцерковленія жизни, какъ вѣчной недосягаемой задачи.

Стараясь проникнуть въ Никоновскія стремленія, мы можемъ признать, что ихъ одухотворяла эта общая идея оцерковленія жизни: для этого надо было возстановить нарушенную симфонію властей и дать воплощеніе образа Патріарха, выполняющаго эту задачу путемъ средствъ, дозволяемыхъ Церковью. Своимъ уходомъ отъ зла онъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ архипастырскаго воздѣйствія, какъ показываетъ вся обстановка его ухода по изслѣдованіямъ проф. Николаевского и Пальмера и собственное поученіе Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г., сказанное имъ въ связи съ прочитаннымъ словомъ Златоуста и обычно совершенно игнорируемое изслѣдователями его ухода. Нельзя высказывать сужденія объ уходѣ Никона, не выслушавъ его самого, и не стараясь возстановить его собственное объясненіе, довѣряться подтасованнымъ и недобросовѣстнымъ показаніямъ его враговъ.

Изучивъ въ доступной намъ мѣрѣ обстоятельства его ухода, мы оцѣнили его уходъ, какъ подвигъ архипастырства, выявившій величіе Никона-исповѣдника. Мы старались выяснитъ принципиальное разграниченіе власти церковной и государственной, какъ оно дѣлалось церковнымъ ученіемъ до Никона, самимъ Никономъ и послѣ него современной православной канонической наукой, и нашли, что Никонъ училъ и дѣйствовалъ по церковному, что онъ вовсе

не былъ и судимъ за вторженіе въ государственную сферу, что судъ надъ нимъ былъ лишь однимъ изъ звеньевъ боярскаго преслѣдованія противъ него, никогда не усыпавшаго и мѣнявшаго только свои формы. Передъ нами прошли нелѣпныя обвиненія Никона въ убійствѣ, государственной измѣнѣ, въ захватѣ земельной собственности у сосѣдей Воскресенскаго монастыря, въ ереси, въ содоміи; прошли передъ нами покушенія на отравленіе Никона, стремленіе его представить преступникомъ, только для того, чтобы отъ него отдѣлаться окончательно, сослать его еще въ 1659 г. въ дальній монастырь, изобразить его уходя, какъ оставленіе патріаршаго престола на произволъ судьбы посвятить его въ схиму, чтобы лишить возможности вернуться на престоль. Какъ апофеозъ, послѣдовало заочное обвиненіе 72-лѣтняго старца въ блудѣ, опровергнутое уже послѣ заочнаго осужденія, по однимъ доносамъ враговъ (1676 г.), свидѣтелями и всѣмъ образомъ жизни, и всею настроенностью его, но использованное для отягощенія его участи и перевода въ другой монастырь на болѣе строгихъ началахъ.

Всѣ эти обвиненія характеризуютъ не Никона, а его обвинителей, и интересно то, что всякое обвиненіе исходило обычно отъ тѣхъ лицъ, которыя или были наиболѣе близки къ вмѣняемому ими Никону грѣху, или просто повинны въ немъ: Лигаридь-содомить обвинялъ Никона въ содоміи; Боборыкинъ — захватчикъ монастырской земли обвинялъ Никона въ захватѣ (она послѣ паденія Никона отъ него была вновь отдана монастырю и проч.), а бояре-властолюбцы обвиняли Никона во властолюбіи. Самая процедура суда 1666 г. надъ Никонъ не представляетъ тѣни правосудія и изобличаетъ всю искусственность, нужную, какъ форма, для того, чтобы можно было считать Никона осужденнымъ окончательно. Для такой непомѣрной злобы нужно было имѣть особыя причины, и ихъ было достаточно; одна изъ нихъ — причина духовнаго порядка: Никонъ праведникъ, обличитель былъ ненавистенъ погрязшимъ въ грѣхахъ боярамъ, окружавшимъ царя, о которыхъ современники очевидцы иностранцы, посѣщавшіе Москву, безпристрастные наблюдатели высказываютъ самыя нелестныя, выражаясь скромно, сужденія. Никонъ задѣвалъ самолюбіе боярь и открытымъ обличеніемъ, и самымъ фактомъ своего государственнаго регенства въ отсутствіе царя.

Вторая причина была болѣе государственнаго характера. Рассматривая умонастроеніе боярства съ эпохи Грознаго, мы видимъ, что этотъ классъ людей, бѣдный идейно и духовно, старался въ

Москвѣ послѣ объединенія Руси съ разгромомъ удѣловъ, замѣнить свое утраченное положеніе самостоятельныхъ правителей созданиемъ вокругъ царя сплоченнаго класса прирожденныхъ совѣтниковъ царя. Этотъ класъ окружилъ непроницаемымъ кольцомъ царя, не допуская до него свѣжихъ даровитыхъ людей, и преслѣдовалъ Никона, какъ царскаго совѣтника, подобно тому, какъ преслѣдовалъ и другого выдающагося дѣятеля царствованія Алексѣя Михайловича, невысокороднаго боярина Афанасія Лаврентьевича Ордына Нащокина, кончившаго жизнь добровольнымъ уходомъ съ государственной арены въ монастырь подъ вліяніемъ непрестанныхъ интригъ родовой знати (Кн. Хованскаго и другихъ). Властолюбивому, родовому боярству нуженъ былъ малолѣтній или слабый царь. Въ эти эпохи оно поднимало голову на несчастье государству. Вмѣстѣ съ Никономъ царь Алексѣй Михайловичъ представлялъ бы несокрушимую твердыню: чтобы разрушить ее, надо было разъединить ихъ и погубить того, кто восполнялъ своей личностью слабость царя. Намъ думается, что здѣсь именно, а не въ повторяемыхъ за Лигаридомъ и другими врагами Никона бездоказательныхъ утвержденіяхъ о властолюбіи Никона, надо искать роковой развязки драмы, выведшей Россію не на путь православной культуры, а на путь протестантско-нѣмецкій, на путь нѣмецкой духовной колоніи.

Объ отношеніи Никона къ боярству говоритъ 1 и 2 гл. III части. Никонъ настолько воплощалъ собой патріаршество и настолько связывалъ по ассоціаціи идей съ собой выполненіе идей православнаго царя верховнаго правителя государства, что съ его паденіемъ, — несмотря на принципиальное признаніе его идей на соборѣ 1667 г., хотя и безъ признанія авторства Никона, какъ ихъ источника и выразителя, несмотря даже на частичное ихъ осуществленіе (въ закрытіи Монастырскаго Приказа, прекращеніи суда свѣтскихъ лицъ надъ духовными и проч.), — вынута была изъ воплощаемаго имъ учрежденія душа, дававшая русскому патріаршеству въ русской государственной жизни особое назначеніе; была вынута вмѣстѣ съ тѣмъ душа и изъ другого учрежденія, которое, начиная съ Петра I, получаетъ совершенно другую сердцевину: я разумѣю царскую, власть. Въ нее было вложено уже другое содержаніе и въ этомъ Петръ произвелъ идейную революцію, размѣры которой не меньше многихъ революцій, произведенныхъ снизу, несмотря на то, что царская власть не только осталась по формѣ, но и продолжалась въ той же династіи.

Царь Петръ не только уничтожаетъ рядъ церковныхъ обычаевъ, и снимаетъ съ царской власти и буквально, и въ переносномъ смыслѣ, духовныя одежды, не только расцерковляетъ государство, отвергаетъ обязанность царя считаться въ государственномъ законодательствѣ съ высшими цѣлями Церкви, но принципиально на мѣсто славы Божіей и любви къ отечеству, проникнутой этой ревностью о славу Божіей, ставитъ цѣль — славу отечества въ чисто языческомъ смыслѣ. Царь — всемогущій самодержецъ; онъ не только посягаетъ на государственный обычай престолонаслѣдія, считая въ правѣ указывать наслѣдника, и подводитъ подъ царскую власть Гоббсовское договорное основаніе. Въ теоріяхъ естественнаго права этотъ первоначальный договоръ мыслится, конечно, не какъ историческій фактъ, а какъ идея, типъ, правило, по которому общество должно конструироваться. Гоббсъ создавалъ по теоріи естественнаго права понятіе о безграничности власти государя, отводя ему церковныя дѣла, и еще болѣе отточилъ цезарепапистскія устремленія Петра. Царь Петръ вторгается въ сферу церковную, реформируетъ монастыри не по церковнымъ идеямъ, а по новому принципу полезности, давитъ на церковное законодательство, заставляя издавать церковныя законы, желательныя ему (созданіе Синода), разрушая церковный строй, на канонахъ основанный, мотивируя государственнымъ опытомъ необходимость коллегіальнаго управленія Церкви, не уяснивъ, или просто отстранивъ вопросъ, можетъ ли свѣтскій правитель по своей инициативѣ не только проводить, но даже ставить вопросъ объ уничтоженіи каноническаго возглавленія Церкви, основаннаго на апостольскомъ преданіи (34 Ап. пр.), подтвержденнаго на Вселенскихъ Соборахъ, и существоваващаго въ то время во всѣхъ Церквахъ. Онъ разрушилъ понятіе Церкви, какъ особаго организма, имѣющаго свое законодательство управленіе и судъ.

Самый фактъ этой реформы подорвалъ жизнѣдѣтельность Церкви, ушедшей въ пустыни и лѣса, и свѣтившей съ тѣхъ поръ не съ высоты каноническаго возглавленія, могущаго и дерзающаго руководиться только высшимъ свѣтомъ Божественнаго ученія, а изъ пещеръ и уединенія святыхъ отшельниковъ въ родѣ Серафима Саровскаго и Амвросія Оптинскаго. Само высшее управленіе Помѣстной Церкви становилось въ разрядъ второстепенныхъ государственныхъ учрежденій, подчиненныхъ иногда даже не непосредственно „своему крайнему суду“, какъ называла епископская присяга императора, а другимъ государственнымъ учрежденіямъ въ родѣ Сената, Кабинета

Министровъ и даже Оберъ-Прокурора Св. Синода. Достаточно сопоставить, что въ Московскомъ государственномъ строѣ Патриархъ стоялъ рядомъ съ царемъ, чтобы увидѣть въ этомъ перемѣщеніи олицетвореніе того уровня, на который была поставлена Церковь. Катехизисъ, изданный при Петрѣ въ лютеранскомъ духѣ, церковная проповѣдь, подчиненная государственнымъ цѣлямъ, и исповѣдь, поставленная на службу раскрытія государственныхъ преступленій — вотъ передъ нами картина государства, нарушившаго грань, поставленную ему Божественными и церковными законами. Удивительныли поэтому тѣ пророчества, которыя шли о гибели самого государства на этомъ пути, начиная съ Никона и кончая Пальмеромъ и Достоевскимъ. О разрушеніи церковнаго устройства и о крушеніи идей Никона въ русской исторіи говоритъ 3 глава III части нашего труда.

На всю значительность и жизненность самого дѣла Никона для исторіи Россіи указываетъ Пальмеръ словами: „Паденіе Патриарха Никона есть та точка, тотъ переломъ, около которыхъ должно было обращаться дальнѣйшее религіозное и политическое развитіе многихъ поколѣній. Его церковныя и политическія послѣдствія долго видны намъ, и еще не болѣе, какъ въ своемъ началѣ". Такъ Пальмеръ писалъ въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, но мы черезъ 50 лѣтъ послѣ него послѣ великой катастрофы можемъ сказать, что видимъ и дальнѣйшія послѣдствія. Въ результатѣ замѣны аскетически церковнаго идеала Московской Руси эвдемонистическимъ направленіемъ культуры Петербургскаго періода обезсилѣла воля русскихъ людей. Были забыты церковныя основы царской власти, и внѣцерковное общественное мнѣніе сочло себя безапелляціоннымъ судьей въ судьбѣ учрежденія, созданнаго многими поколѣніями. Забыли о церковной связанности монархіи и не нашли въ себѣ силы противостоятъ революціонному гипнозу и тѣ, кто обратилъ взоръ къ Учредительному Собранію, учрежденію, исходящему отъ противоположнаго монархическому принципу принципа народнаго суверенитета, въ основѣ котораго лежитъ вѣра въ неповрежденную первороднымъ грѣхомъ человѣческую природу, какъ то и было у вдохновителя этой теоріи Руссо. А поработенная за 200 лѣтъ, разъединенная и отучившаяся отъ совмѣстнаго соборнаго дѣйствованія іерархія не нашла силъ протестовать противъ антицерковнаго акта насильственнаго низложенія царя. Вѣдь, установленная всенародно на Земскомъ Сборѣ 1613 года и освященная въ коронованіи царская власть, не могла законно опредѣляться въ судьбѣ своей и судьбѣ своихъ носителей безъ

участія правильно организованнаго въ Земскомъ Соборѣ народа, органической частью и созданиемъ котораго (т. е. народа) она является, и безъ Церкви, въ которой она занимаетъ особое іерархическое положеніе, и въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ въ Кремлѣ Московскомъ, гдѣ совершались всегда важнѣйшіе акты царей русскихъ¹.

Для русской интеллигенціи на смѣну Евангельскому идеалу стремленія ко Христу явился идеаль другой, кощунственно выдававшей себя за новое Евангеліе непротивленія злу силой, и нельзя не вспомнить словъ одного сторонняго наблюдателя, искренно любящаго Россію. Такъ мы читаемъ вѣрную характеристику у Крамаржа въ книгѣ „Русскій кризисъ“ стр. 244: „Отчужденіе отъ государства и анархизмъ были глубочайшими особенностями русской интеллигенціи со временъ Герцена и Бакунина и даже славянофиловъ, а гр. Левъ Толстой далъ этимъ чертамъ интеллигенціи высокое освященіе своей литературной міровой славы, и на Толстого ложится львиная доля отвѣтственности за русскую катастрофу“.

IV. Въ извѣстномъ смыслѣ съ именемъ Никона связано и культурно-политическое значеніе для русскихъ людей XX вѣка эпохи крушенія Россіи. Мы отмѣтили въ ученіи Никона, на ряду съ его историческимъ дѣломъ, обусловленнымъ временемъ и мѣстомъ, элементы вѣчной цѣнности, признанные и современной канонической наукой, и другіе, связанные съ ученіемъ о Церкви, съ теоріей симфоніи — ученіемъ имѣющимъ характеръ обязательности для православнаго государства. Но прежде еще заботы о вліяніи Церкви на государство, надо позаботиться послѣ великой катастрофы о возсозданіи земного строя самой Русской Церкви, чтобы она имѣла силы и средства создавать своихъ пастырей и выполнять эту работу, которая на ней лежитъ по возсозданію въ людяхъ померкшаго образа и подобія Божія, воспитанія, образованія, призрачія, благотворенія и проч.: т. е. опираться на свою внутреннюю силу и право, и въ этомъ смыслѣ надо помнить о томъ положеніи ея въ государствѣ, которое отводилъ ей Никонъ въ соотвѣтствіи съ традиціями русскаго государственнаго права, опредѣлявшаго ея положеніе со временъ Св. Владиміра до царя Алексѣя Михайловича, и вспомнить его

¹ Нельзя не замѣтить, что между Земскимъ Соборомъ, избирающимъ монарха, и Учредительнымъ Собраниемъ есть принципиальная разница. Земскій Соборъ не исходитъ изъ признанія юридическаго верховенства народа и его правъ, а устанавливаетъ носителя верховной власти, въ которомъ завершается, какъ въ фокусѣ, идея общей обязанности служенія своему государству, черезъ принятіе имъ тяготы власти, какъ обязанности передъ Богомъ. Съ Земскимъ Соборомъ связывается скорѣе идея организациі Боговластія черезъ установленіе православнаго царя, а не идея народовластія.

завѣты въ то время когда, съ разрушеніемъ русскаго политическаго устройства и Русской Церкви, духъ русскаго человѣка можетъ терять свою опору.

Если Токвиль писалъ (*L'ancien régime et la révolution*, 210 стр.) о французской революціи 1789 г., что ея отличіемъ отъ всѣхъ предшествующихъ было то, что одновременно были поколеблены и церковныя и государственныя основы, то разрушеніе русской революціи было еще глубже. Ибо, если во французскую революцію духовная пустота, образовавшаяся съ уничтоженіемъ церковнаго культа, была занята культомъ Разума, а потомъ культомъ Верховнаго Существа, то русская революція пропитана культомъ прямого сатанизма и Богоборчества. Излѣченіе отъ этого состоянія возможно только черезъ служеніе общества Христу и Его Церкви, иными словами, діаволь можетъ быть побѣжденъ только крестомъ. Мысль, въ поискахъ опоры, невольно обращается къ Церкви, какъ носительницѣ истиннаго ученія жизни.

Рѣчь идетъ не о перенесеніи Московскаго соціального строя, а о принятіи въ основу строительства того духа оцерковленія, которое вносилъ Никонъ въ русское самосознаніе своимъ словомъ и дѣломъ; рѣчь идетъ о выборѣ между мірскимъ эвдемонистическимъ или церковно-аскетическимъ направленіями самой культуры, которое и опредѣлитъ положеніе Православной Церкви въ русскомъ государствѣ. Чтобы прочно стоять самому государству, надо помнить вѣчный завѣтъ Аристотеля, что первое дѣло правителя — забота о религіи, и осуществленіе Никономъ Апостольскаго правила; „Все, что ни дѣлаете, дѣлайте во славу Божию". Грядущая эпоха въ этомъ смыслѣ должна стать также эпохой Никона, какъ были эпохи Антонія и Θεодосія Печерскихъ, какъ была эпоха Сергія Радонежскаго, каждая связанная съ особымъ притяженіемъ къ опредѣленному Святому, выразителю ея надеждъ и упованій.

Міръ старобрядческаго Православія и міръ Никоновскаго Православія могутъ въ Никонѣ найти то общее, что онъ строилъ церковную культуру и въ этомъ смыслѣ русскую, съ ея проникновеніемъ Церкви во всѣ поры строительства, а не протестантскую, въ которой Церковь занимаетъ мѣсто частнаго общества, не затрагивающаго общественной и государственной дѣятельности. Съ паденіемъ имперіи надо опредѣлить, что въ ея идеологіи было уклоняющагося съ православной точки зрѣнія. Идеино цезарепапизмъ явилъ собой вырожденіе идеи православнаго царства, и надо выразить эту идею

въ ея чистотѣ, а не въ искривленномъ видѣ. Періодъ имперіи отказался отъ идеи III Рима въ его Никоновскомъ пониманіи и явилъ собой возрожденіе язычества въ смыслѣ гипертрофированія царской власти черезъ выведеніе ея изъ положенія извѣстнаго іерархическаго чина въ Церкви на положеніе понтифексъ максимуса.

Когда Никонъ былъ въ Терапонтовомъ монастырѣ, то онъ на каменномъ островѣ на озерѣ, созданномъ имъ собственноручно, поставилъ крестъ съ надписью, выражавшей святую истину, весьма точно формулированную: „Никонъ, Божіей милостію Патріархъ, постави сей крестъ Господень, **будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь на Бѣлоозерѣ, въ Терапонтовомъ монастырѣ, въ тюрмѣ**". Хотя Никонъ и не всѣ годы сидѣлъ въ тюрмѣ въ буквальномъ смыслѣ слова, а только извѣстные періоды (1668—1671 и приблизительно 1676—1681), но въ смыслѣ переносномъ все время своей ссылки въ 1666—1681 г.г., ибо былъ насильственно заточенъ и устраненъ отъ дѣятельности, къ которой былъ призванъ въ силу своего сана, и отъ которой могла его освободить только смерть или правильный каноническій судъ, а не подкупный судъ продажныхъ Патріарховъ, руководимыхъ не слѣдствіемъ, выясняющимъ всѣ обстоятельства дѣла, а продажнымъ грекомъ католикомъ, запрещеннымъ въ Православіи, Митрополитомъ, желавшимъ занять мѣсто русскаго Патріарха. Величавое впечатлѣніе производитъ непоколебимая и въ заточеніи стойкость и безкомпромисность Никона, увѣковѣченная стихами поэта:

Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчаннѣй владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ, суровымъ, строгимъ,
Какимъ онъ былъ въ минувши годы,
Во оны дни величья своего".

При изученіи взглядовъ Никона мы использовали его переписку съ царемъ и другими лицами, разсѣянную въ разныхъ сочиненіяхъ у Пальмера, Гюббенета, Соловьева, но главнымъ нашимъ источникомъ явилось его „Раззореніе", въ которомъ онъ обосновалъ свои взгляды ссылками на Св. Писаніе и Святыхъ Отцовъ; тѣ обстоятельства его жизни, которыя имѣютъ главное отношеніе къ уясненію его взглядовъ, мы использовали по даннымъ проф. Николаевскаго и особенно Пальмера, почему то совершенно замолчаннаго у проф. Каптерева. Мы изслѣдовали ученіе Никона по первоисточнику и особо остано-

вились на тѣхъ фактахъ его жизни, въ которыхъ онъ выявилъ себя, какъ его исповѣдникъ. Въ этомъ отношеніи центральное значеніе имѣеть его уходъ 10 іюля 1658 г. и его ссылка въ 1666 г. и все сказанное Никономъ по этому вопросу. Объ этомъ трактуетъ 4 гл. II ч. и 2 гл. III ч.

V. Есть въ темѣ Никона сторона мистическая. Его постигла судьба пророковъ, о которой говоритъ Ев. Мѳ. 23, 33—34: „Зміи, порожденія ехидны! Какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геену? Посему, вотъ, Я посылаю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ и книжниковъ; и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ". Или Евр. 11, 37—38: „Не доставитъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, а Варакѣ, о Сампсонѣ, о Іеѳаѣ, о Давидѣ, Самуилѣ и другихъ пророкахъ, которые... испытали поруганія и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткамъ, умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія, тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли". Такъ и вся жизнь Никона послѣ его ухода подвергалась до самой смерти медленному изводительству, мѣнявшему только формы, но не прекращавшемуся никогда, сдѣлавшему изъ него мученика страстотерпца. Грѣхъ, совершенный по отношенію къ нему нечестивымъ гоненіемъ на него, не искупленъ грамотой Патріарховъ 1682 г., восстановившей его въ правахъ Патріарха и объявившей, что Никонъ можетъ быть прощенъ въ виду искупленія имъ своей вины смиреннымъ терпѣніемъ въ заточеніи. Не принесено передъ нимъ покаяніе за содѣланное ему государственной властью, — ничего не сдѣлано для снятія тяжести тяготѣющихъ на государственной власти словъ, произнесенныхъ Никономъ царю на судѣ: „Кровь моя на твоей головѣ, царь!"

Для государственной власти, желающей снять эту тягость, надо принести такую же общественную повинную передъ гробницей Никона, какую Никонъ отъ лица царя Алексѣя Михайловича принесъ передъ гробницей Св. Филиппа, и молить его о прощеніи. А Іерархія не можетъ не вспомнить, что русскій народъ уже давно прославилъ Никона своими посѣщеніями мѣста его послѣдняго упокоенія и молитвами передъ его гробницей получалъ отъ Бога исцѣленія. Самъ Богъ чудесами Своими по его предстательству указываетъ путь къ прославленію Никона сопричисленіемъ его имени къ именамъ Петра,

Алексія, Іоны, Филиппа и Гермогена, Святителей Московскихъ. Да подасть намъ Господь видѣть чудо возстанія нашего народа къ образу и подобію Божию молитвами Святѣйшаго Никона, Первосвященителя и Чудотворца Московскаго!

Есть и другой грѣхъ, связанный съ грѣхомъ по отношенію къ Никону: это порабощеніе Церкви, доведенное до апогея съ Петромъ I. Революція явилась искупленіемъ за два вѣка этого порабощенія и своеволия власти. Она явилась и дѣломъ сатанинскимъ и въ то же время Провиденціальнымъ попущеніемъ за грѣхи. Она *mentio mori* не, только Россіи, но и всему міру, и мы съ большей остротой, чѣмъ Paul Janet въ 1875 г., можемъ повторить его слова: „Le monde européen s'il ne veut pas périr comme l'Empire Romain, doit trouver un symbole religieux qui puisse arracher les âmes au double mal qui se les dispute aujourd'hui: un brutal athéisme et une plate idolâtrie"¹.

Признавая революцію дѣломъ сатанинскимъ, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ, что и побѣждена она не можетъ быть безъ креста, т. е. безъ содѣйствія Церкви и ея возсозданія.

VI. Еще одинъ вопросъ. Чѣмъ близокъ Никонъ русскимъ людямъ и нашей эпохѣ? Происходя изъ земледѣльческой крестьянской семьи, самородокъ, самоучка, взрастившій свои силы подъ покровомъ монастыря, Никонъ дошелъ въ жизни своей до высшей іерархической лѣстницы и своими дарованіями освятилъ путь, по которому надо идти Россіи, но дѣло возрожденія Россіи изъ замкнутого, самодовлѣющаго бытія совершилъ другой геній, направившій Русь по иному пути, „но на дѣлахъ его великихъ печать проклятія легла“, какъ выразился одинъ поэтъ.

Никонъ въ своей личности соединяетъ тѣ два класса общества, которые, не будучи созданіемъ государственной власти, знаменуютъ собой величіе мощи и духа Россіи и призваны возсоздать ея величіе во славу Божию. Св. Никонъ Патріархъ собственной жизнью показалъ, чего можетъ достигнуть гигантская энергія русскаго человѣка, отдавшаго силы на служеніе Церкви и государству, и даетъ намъ вѣру въ творческую силу русскаго народа; онъ указалъ и путь этого возрожденія „и плоды его разума вѣрны, и имя его будетъ живо во вѣкъ“. Что русскій народъ способенъ идти по этому пути, показываетъ его прошлое и идея въ немъ выявляемая, которая не можетъ быть

¹ „Если Европейскій міръ не хочетъ погибнуть подобно Римской Имперіи, онъ долженъ найти религіозный символъ, который могъ бы вырвать души изъ двойного зла, которое оспариваетъ ихъ сегодня: грубый атеизмъ и плоское идолопоклонство“.

зачеркнута тѣмъ временнымъ паденіемъ и послѣдующимъ игомъ, которое наложила на него богоборческая власть; это показываетъ, что православіе было его основной движущей стихіей жизни на протяженіи столѣтій, и что, какъ отъ паденія встаетъ раскаявшійся человѣкъ, такъ можетъ встать и цѣлый народъ. Нашимъ надеждамъ можетъ соотвѣтствовать и истина того положенія, которое установилъ знаменитый англійскій мыслитель Эдмундъ Боркъ:

„Aucun pouvoir, aucune institution ne peut rendre les hommes differents de ce que Dieu, la nature, l'éducation et les habitudes les ont fait”¹ (Janet: Philosophie de la révolution française, стр. 16).

Еще Фихте въ своихъ „Reden an die Deutsche Nation", въ эпоху величайшаго паденія своей націи, установилъ, что великая нація можетъ достигать благосостоянія и развитія, присущаго ея способностямъ, только въ томъ случаѣ, если она будетъ развиваться путемъ самостоятельнымъ, предназначеннымъ для нея самой ея природой и духомъ. Только благодаря упадку ея національнаго чувства, могла произойти катастрофа подчиненія Россіи III Интернаціоналу. Найти въ прошломъ ея вдохновлявшія ея идеи, строившія жизнь націи и государства, есть задача современности, какъ задача духовнаго возрожденія.

Въ чемъ особенность чисто русскаго пониманія христіанства? Спрашиваетъ изслѣдователь древнерусской литературы, и отвѣчаетъ приблизительно такъ: въ цѣльности и чистотѣ христіанства въ пониманія русскаго народа. Русскій народъ, начиная свою исторію и не имѣя положительныхъ основъ для осуществленія пробудившихся стремленій къ жизни — „не вѣсі законъ", говорили болгары Св. Владиміру, жаждалъ такой вѣры, которая бы создала ему жизнь, вдохнула въ него начала вѣчнаго и цѣльнаго развитія и образовала изъ него народъ, не временно устроенный и счастливый, но вѣчно живой, растущій и размножающійся.

Русскій народъ понялъ, что христіанство — не только возвѣщеніе началъ вѣры и жизни, но и дѣйствительной жизни съ Богомъ и въ Богѣ.

Та свѣжесть, которою отличалась русская душа, ея свобода отъ всякихъ отвлеченныхъ, самостоятельно составленныхъ возрѣній и обуславливала собой то, что христіанство охранялось въ ней во всей своей жизненной цѣльности, безъ малѣйшаго предпочтенія какой ли-

¹ „Никакая власть, никакое учрежденіе не можетъ сдѣлать людей отличными отъ того, чѣмъ ихъ сдѣлали Богъ, природа, воспитаніе и обычаи".

бо одной его стороны, области вѣры, области жизни, напр., или наоборотъ, и въ совершенно евангельской чистотѣ. Эта цѣльность и чистота и составляютъ національное богатство русскаго народа въ пониманіи христіанства. Это богатство выражается въ такомъ видѣ: по принятіи христіанства русскій становится христіаниномъ, содержаніе русскаго отождествляется съ содержаніемъ христіанина, христіанство становится содержаніемъ народности. И если можно назвать національнымъ достояніемъ извѣстнаго народа то, что христіанство стало содержаніемъ его народности, то такое достояніе и принадлежитъ русскому народу. Но тутъ скорѣе приложимъ терминъ „универсальный“, потому что самая національность выражается въ универсальности, **содержаніемъ народности стало то, что универсально.** Поэтому, въ приложеніи къ русскому народу надо сказать, что національнымъ въ пониманіи имъ христіанства является то, что онъ понялъ его универсальное значеніе, что онъ увидѣлъ въ христіанствѣ Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, и такимъ образомъ національной чертой пониманія является универсальность, кафоличность христіанства. Если и стремился жить чѣмъ русскій народъ, то именно чувствомъ Бога. Въ литературѣ своей онъ проявилъ жизнь этого чувства и выявилъ свое пониманіе связи, соединяющей его съ Богомъ.

Какъ Отецъ, Богъ употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы люди, Его дѣти, достигли своего назначенія, и разъ Онъ видитъ ихъ уклоняющимися отъ своего назначенія, допускаетъ имъ испытать всѣ послѣдствія этого удаленія отъ жизни, и на нихъ обрушиваются всевозможныя бѣдствія, какъ результатъ потери жизни въ Богѣ, потери жизни въ любви Божіей, какъ результатъ гнѣва Божіяго. И понятно, что степень этихъ несчастій стоитъ въ прямой зависимости отъ степени участія самого человѣка въ нихъ: тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія преступности грѣха, гдѣ грѣхъ лежитъ въ основѣ жизни, тамъ и его послѣдствія являются обычнымъ явленіемъ, составляютъ самую жизнь: тамъ же, гдѣ есть сознаніе преступности грѣха, гдѣ жизнь должна бы течь совершенно по другому, противоположному руслу, тамъ совершенный грѣхъ, какъ актъ сознательно злой воли самого человѣка, разрушаетъ самую жизнь, уничтожаетъ для грѣшнаго человѣка ея основу, и его послѣдствія бываютъ ужасны.

Богъ представляется сознанію русскаго народа праведнымъ судьей, который непременно и достойно отмщаетъ каждое преступленіе человѣка, и какъ праведный и любящій, никогда не по-

зволяетъ злу восторжествовать надъ добромъ, направляетъ къ благимъ послѣдствіямъ всякое зло въ жизни людей. Всякая неправда, всякій грѣхъ необходимо влечетъ за собой тяжелыя послѣдствія для жизни человѣка, и Богъ, попуская ихъ, является праведнымъ Судьей, отмстителемъ человѣку за его неправды.

Народъ твердо вѣритъ, что никакое зло не можетъ остаться безнаказаннымъ, что всевѣдущій и праведный Богъ необходимо покараетъ всякую неправду, а потому и стремится на Бога возложить отмщеніе за всѣ обиды свои, предоставивъ Ему счеты со своими врагами.

Въ общественной жизни людей точно также Богъ является премудрымъ и благимъ дѣятелемъ и строителемъ. Онъ даетъ силу и власть духовнымъ пастырямъ и учителямъ народа вести порученныя имъ души по пути спасенія. Ихъ избраніе не можетъ обусловливаться личными желаніями или расчетами извѣстныхъ лицъ, но принадлежитъ волѣ Божіей.

Богъ есть источникъ начало, давшее всему жизнь, и безконечная сила, поддерживающая и направляющая міръ къ его истинной цѣли — добру, сила, которой живетъ все существующее, Богъ такъ близокъ міру, что русскій народъ готовъ былъ въ каждомъ явленіи его видѣть жизнь Бога въ мірѣ.

Какъ высочайшее Благо, движущее жизнь міра, Богъ явилъ Себя и въ исторіи міра, которая, по взгляду русскихъ людей, представляетъ собой исторію любви Божіей къ міру и постепенное приближеніе къ ней со стороны послѣдняго. Богъ есть строитель всей жизни человѣка.

Милосердный Богъ, сотворившій человѣка для вѣчной жизни и, видя его уклонившимся отъ жизни къ смерти, по любви Своей не захотѣлъ допустить его до совершенной гибели. Его любовь не могла перенести такого конца, противорчащаго самому назначенію Его творенія, въ которое Онъ вложилъ Свой Образъ, какъ начало безконечнаго развитія и вѣчной жизни.

Но дѣйствительная жизнь человѣка шла не по пути къ своему Творцу и Первообразу. И, такъ какъ жизнь есть въ своемъ родѣ теченіе, и такъ какъ само теченіе, направившись по новому руслу, не въ силахъ уже возвратиться на прежнее, то то же нужно сказать и о человѣкѣ. Поставивши себя и свою земную волю закономъ своей жизни, человѣкъ могъ только идти впередъ въ этомъ направленіи, укрѣпиться и старѣться въ немъ, но поворотъ къ прежней жизни въ

Богъ для него уже былъ невозможенъ. Препградой тому былъ онъ же самъ, его эгоизмъ, какъ основа жизни, который нужно было уничтожить и на его мѣсто поставить истинное начало жизни, но сдѣлать это самъ эгоистъ не могъ, потому что въ эгоизмѣ нѣтъ силы жизни, а есть только ея отрицаніе. Но, такъ какъ человѣкъ носить въ себѣ образъ Божій, какъ задатокъ вѣчной жизни, и не былъ только въ силахъ дать ему перевѣсъ въ направленіи своей жизни, то для возвращенія его къ истинной жизни нужно было обновить его природу, уничтожить въ ней земное начало жизни и призвать къ жизни и сдѣлать ея основой и началомъ истинное и Божественное начало въ человѣкѣ. Но дать жизнь, обновить природу умирающую, можетъ только Тотъ, Кто въ Себѣ Самомъ имѣетъ жизнь, только источникъ жизни, только Богъ.

Иисусъ Христосъ сталъ началомъ и источникомъ истинной жизни людей; людямъ остается только усвоить себѣ это Начало и питаться отъ этого Источника для того, чтобы начать новую жизнь. Имъ нужно усвоить Христа, какъ начало Воскресенія въ смерти, т. е. умереть въ Христѣ для своего грѣховнаго прошлаго и воспринять въ себя Источникъ жизни, Который бы развилъ ихъ въ ней и привелъ къ цѣли ихъ теченія — Богу.

Духъ Святой, обитая въ обществѣ послѣдователей Христа, черезъ особыхъ лицъ, Богомъ поставленныхъ пастырей, и совершаетъ спасеніе cadaго человѣка въ отдѣльности, обновляетъ его, вводитъ его въ царство сыновъ Божіихъ.

Если происходило нарушеніе пастырскихъ уроковъ и оказывалось недостаточнымъ строгое учительство, то надо было прибѣгать къ силѣ и власти, чтобы этимъ путемъ сохранить чистоту христіанской жизни. Съ этой цѣлью уставы предоставляли Епископамъ право суда преступленій противъ вѣры и основы Христіанскаго Общества — семьи и нѣкоторыя другія тяжбы. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ представители Церкви не выдѣляли князей и царей изъ числа другихъ пасомыхъ и, въ случаѣ уклоненія, обличали и карали ихъ. Вотъ русскій подходъ къ христіанству, стремленіе понять его, какъ жизненную силу, и приобщить свою жизнь къ его духу.

Никоновское „Раззореніе" является примѣненіемъ тѣхъ же русскихъ православныхъ взглядовъ въ области политическаго строительства, т. е. углубленіемъ русскаго пониманія христіанства, распространеніемъ его на сферу политическую въ смыслѣ признанія религіозно нравственной обязанности государственной власти имѣть

передъ собой руководящимъ идеаломъ идеаль Церкви. Сознаніе доминирующаго значенія грѣха въ жизни личной и общественной, какъ причины несчастій, слѣдуемыхъ за уклоненіе отъ воли Божіей по испорченности природы человѣка; жизнь чувствомъ Бога праведнаго Судьи, отмщающаго людямъ и ихъ поколѣніямъ каждое преступленіе, всякую неправду, всякій грѣхъ; стремленіе выправить жизнь по канону церковному, какъ средство отрѣшенія отъ личной испорченной грѣхомъ воли человѣка, и стяжаніе вспомошествоющей благодати Духа Святаго — вотъ основные импульсы Никоновскаго ученія. Вотъ почему онъ считалъ, что праведность одного значить больше, чѣмъ милліоны толпъ; вотъ почему отводилъ онъ такое большое значеніе въ государственной жизни началу духовному и старался приобщить жизнь общества къ церковнымъ началамъ: въ Церкви Духъ Святой является строителемъ и совершителемъ жизни. Въ свѣтѣ этой основной идеи и нужно разсматривать взгляды Никона на царскую власть, на патріаршество, на полномочія властей и на взаимоотношеніе Церкви и государства.

VII. Въ соотвѣтствіи съ вышеизложеннымъ, предвосхищающимъ во многомъ конечные выводы труда, его планъ раздѣленъ на три части, изъ которыхъ первая излагаетъ основы, изъ которыхъ и на которыхъ выросло Никоновское ученіе: вторая — излагаетъ самое его ученіе, а третья — обстоятельства крушенія его идей въ русской жизни. Иными словами это есть повѣствованіе о неудавшемся Никону строительствѣ Святой Руси или, выражаясь образно, повѣствованіе о соловѣѣ, залетѣвшемъ въ маѣ 1666 г. въ Церковь Иверскаго монастыря, сѣвшемъ на патріаршее мѣсто и спѣвшемъ чудную пѣснь. Но соловей былъ пойманъ и смятъ руками грубыхъ людей: этимъ сообщеніемъ былъ въ свое время обезпокоенъ Никонъ и увидѣлъ въ немъ прообразъ судьбы своей...

Святителю Отче Никоне, моли Бога о насъ!

г. Софія. 27/XI 1927 г.